

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.4(476.2) “-06/12”

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА РАССЕЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ С VII ВЕКА ДО НАШЕЙ ЭРЫ ДО СЕРЕДИНЫ XIII ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ: ПРИРОДНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

А.Г. ТИМОФЕЕНКО

(Институт истории НАН Беларуси, Минск)

Исследуются закономерности процесса расселения на территории Юго-Восточной Беларуси в VII веке до н. э. – сер. XIII века н. э. На собранном материале об открытых поселениях, городищах, могильниках (2078 ед.) показаны природная и хозяйственная доминанты, которым был подчинён процесс возникновения поселений в период с VII века до н. э. – по VII век н. э., взаимовлияние хозяйственных требований к земельным участкам, преобладающим на уровне расположения селищ, и политической составляющей – на более высоком уровне, при выборе мест для расположения городищ и городов во время становления Древнерусского государства. Сделан вывод, что за указанный период времени (около 20 веков) коренная смена системы расселения произошла только во II веке н. э., в конце периода раннего железного века, и была обусловлена сменой преобладавшей до того подсеки на пашенное земледелие.

Введение. Изучение систем расселения является одной из актуальных проблем, которые стоят перед современными учёными. Исследования на границе наук, привлечение методов, характерных для разных областей знаний, способны дать результат, к которому невозможно прийти с помощью исключительно исторических методов исследования. Изучение закономерностей, присущих поселениям разных исторических периодов, расположенных на территории с определённым набором географических характеристик, даёт основание выявить и установить роли природно-географического и социально-политического факторов, которые диктовали условия расположения памятников в тот или иной исторический период.

Исходя из изложенной посылки следует рассмотреть процессы, связанные с размещением населения на территории Юго-Восточной Беларуси – регион Нижнего Посожья и Поднепровья в рамках восточной части современной Гомельской области – с VII века до н. э. до сер. XIII века н. э. Особенность данной территории – её географическая целостность и историческая пограничность. Очерченный хронологический период охватывает несколько исторических эпох – ранний железный век, раннее средневековье и эпоху Древней Руси. Он начинается с началом железного века, когда перестраивался жизненный уклад населения не только территории Юго-Восточной Беларуси, но и мира в целом. Заканчивается этот период в середине XIII века. В это время под влиянием комплекса политических, экономических и экологических причин произошла смена поселенческой структуры.

Следует отметить, что на протяжении веков для человеческого общества были характерны экстенсивные пути развития – стремление переселиться на новые земли [1, с. 39], перенеся туда свой жизненный уклад и опробованные способы ведения хозяйства. В этой связи, изучая системы расселения, нужно учитывать, что заселение всегда происходило не стихийно. Доминирующая часть населения сохраняла принципы и устои, сложившиеся на территории формирования конкретной культурно-исторической общности. Занимались в первую очередь земли, имевшие привычные характеристики и позволявшие не менять устоявшийся уклад. Именно по этим признакам стоит определять культурную доминанту той или иной группы населения в каждый исторический период.

Для территории Гомельского Поднепровья известны исследования, в которых изучены отдельные культурно-хронологические феномены, в том числе особенности расселения в раннем железном веке и средневековье (А.И. Дробушевский [2–5], О.А. Макушников [6–12]). Однако до сих пор не были предприняты попытки рассмотрения проблем расселения на столь большой территории и на протяжении такого широкого хронологического периода. База археологических источников, на которой проведен анализ, начала формироваться с середины XIX века. Особенно значимыми были разведки, совершённые в конце 20–30-х и 80–90-х годов XX века. По результатам собранного материала о 2078 памятниках VII века до н. э. – сер. XIII века н. э. период был разделён на три хронологических блока (VII век до н. э. – I век н. э.; II – VII века н. э.; VIII – сер. XIII века н. э.), каждый из которых обладает набором признаков, характеризующих последовательное и непрерывное развитие системы расселения в регионе. Был проведён анализ особенностей, свойственных каждому из представленных блоков [13–16].

В данной работе предлагается обобщение ранее проанализированного материала с выделением тенденций и закономерностей. Также более детально будут рассмотрены некоторые вопросы расселения средневековой эпохи.

Основная часть. На протяжении VIII – сер. XIII века н. э. на изучаемой территории Юго-Восточной Беларуси в разное время функционировали 278 селищ и 442 некрополя (439 курганных и 3 грунтовых). Если селища в абсолютном большинстве приурочены к берегам рек, то могильники, находясь невдалеке, не привязаны непосредственно к краям речных террас. Они равномерно распределены по территории и являются кладбищами одного, максимум двух близлежащих поселений. Соответствие большинства могильников одному прилегающему селищу видно и из представленной карты, и из соотношения количества могильников и количества поселений. Также заметно совпадение среднего количества курганов в древнерусских могильниках и современных размеров кладбищ небольших деревень. Размещение поселений должно совпадать с картой могильников, но в результате недообследованности местности (субъективная причина) наблюдается сконцентрированность открытых поселений вдоль берегов достаточно больших рек. При сопоставлении карты селищ VIII – сер. XIII века с картами селищ II – V и V – VII веков [16] прослеживается единый принцип размещения открытых поселений, однако плотность расположения для VIII – сер. XIII века выше. Видно равномерное распределение памятников (как селищ, так и могильников) X – сер. XIII века вдоль русел рек, при котором не заметны ни скопления, ни большие пустые пространства (рис. 1).

Благодаря хорошо разработанной хронологии вещевых и керамических материалов Древнерусского времени существует возможность проследить этапность возникновения и прекращения деятельности большинства открытых поселений региона. Так, начальной датой для 33 являются VIII – IX века (19,53 %); для 54 – X век (31,95 %); для 35 – XI век (20,71 %); для 36 – XII век (21,3 %), для 11 – XIII век (6,5 %); финальная дата для 2 – IX век (1,18 % от 169); для 13 – X век (7,69 %); для 24 – XI век (14,2 %); для 34 – XII век (20,12 %); для 67 – XIII век (39,64 %); для 29 – позже XIII век (17,16 %) (реальное количество населённых пунктов, которые существовали и после XIII века, больше, чем учтённое).

На территории Юго-Восточной Беларуси в VIII? веке функционировали 17 селищ, в IX – 33, в X – 84, в XI – 106, в XII – 119, в XIII веке – 96.

Средняя площадь поселений, существовавших в VIII–IX века, составляла 15359 м², в X веке – 4894 м², в XI веке – 13926 м², в XII веке – 14184 м², в XIII веке – 13075 м². По изменению площади селищ наиболее близки показатели Московских земель [17, с. 31–48]. При соотношении количества возникших селищ к количеству прекративших своё существование выявлена следующая динамика: +31 поселение для IX века, +41 – для X века; +11 для XI века; +2 для XII века; –56 для XIII века. На большинстве памятников люди жили 2–3 века. Рост числа селищ наблюдался с VIII по XI век, стабилизация роста прослеживается в XII веке. Самое большое количество поселений зафиксировано в XII веке. Число памятников, существовавших в данных ландшафтно-топографических условиях, снизилось в XIII веке. Представленные колебания средней площади селищ показывают некоторое снижение размеров от VIII–IX веков к XIII веку, что может объясняться действием принципа плотнейшей упаковки [18, с. 204], когда дальнейшее расселение шло в уже освоенных регионах.

Объяснить появление большого количества археологически зафиксированных селищ в X веке возможно начавшимся процессом феодализации территории Юго-Восточной Беларуси. В 885 году князь Олег возложил на радимичей свою дань вместо хазарской [19, с. 17], в 946–947 годах княгиня Ольга упорядочила систему налогообложения [19, с. 41–43]. В это время резко увеличилось число памятников. Чем раньше территория входила в сферу политических отношений формировавшегося государства, тем раньше «выходили из тени» сельские поселения. Время функционирования наибольшего числа памятников указывает на завершение процесса феодализации и стабилизацию внутренней структуры государства (XII в. на изучаемой территории). К сожалению, материалов для сравнения мало. Большинство исследователей не разделяют две эти даты. Они предлагают только первую как выразитель некоего «демографического взрыва» [10; 11; 12, с. 40]. Для земель междуречья Десны и Днепра и западной части Белорусского Полесья это IX–X века [20; 21]; для территории Черниговского Полесья – X век [22]; для Среднего и Верхнего Посожья – X–XI века [23, с. 47]; для земли вятичей – X – 1 пол. XII века [24, с. 43–56]. Для окраин формировавшегося государства и территорий с сильной племенной властью – XI–XII века: для земель бассейна Березины – XI–XII века [25, с. 17–26, 68–69]; округа Полоцка – конец XI – XII век [26, с. 9]; Погорынья – XI век [27]; Московских земель – XII век [17, с. 19]; юга Рязанской земли – вторая пол. XII – первая пол. XIII века (?) [28]. Стабилизация роста селищ и, соответственно, завершение процесса феодализации в Черниговском Полесье относится к XII – XIII векам [22]; время наибольшего расцвета Смоленской земли – XI – XIII векам [29, с. 22]; земли вятичей – второй пол. XII – середине XIII века [24, с. 43–56]; земель Восточной Вольны – XII–XIII векам [30–31].

Максимальное количество курганных могильников на исследуемой территории зафиксировано для XI века (расцвет обряда), что отмечали и предшествующие исследователи [32–34; 35, с. 89; 36], указывая, что они разрастались из небольших некрополей X века [11]. Погребальные памятники IX и XIII веков единичны, так как в это время происходила смена погребального обряда.

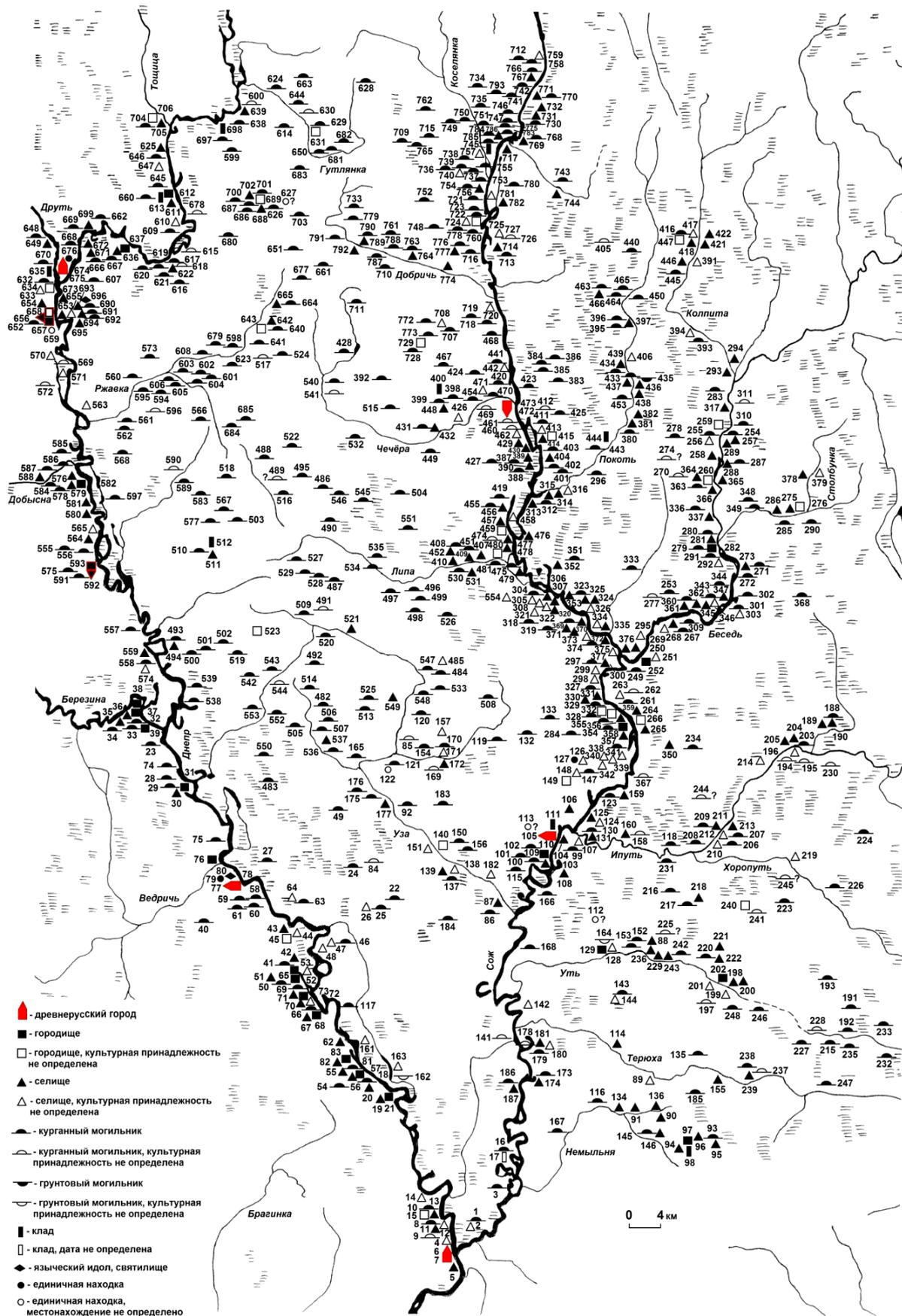

Рис. 1. Карта памятников VIII – сер. XIII века н. э. на территории Юго-Восточной Беларуси

При феодализации территории Юго-Восточной Беларуси (включении её в единую политическую, судебную, фискальную систему) традиционная поселенческая структура (сохранение как ландшафтно-топографических особенностей, так и единства административного центра – подчинённой округи) существовала до конца XII – начала XIII века и после перемещения доминанты от общинных центров к княжеским. Наиболее активно процесс её смены происходил в первой половине – середине XIII века.

На изучаемых землях распад поселенческой структуры начался позже, чем в междуречье Десны и Днепра (низовья Десны), где из 126 селищ к середине XIII века осталось только 3 [37] и уже в XII–XIII века более 50 % селищ были пойменными [20].

Поселения VIII–IX веков доминировали в Посожье, небольшая их часть располагалась как на правых притоках Сожа, так и по берегам Днепра. На территории, прилегающей к изучаемой с севера и северо-востока, расселение роменцев также происходило не по Днепру, а вдоль русел Сожа, Ипути и, возможно, Беседи [23, с. 51], что подтверждает общую направленность распространения культуры. В X веке выросло количество поселений как на Днестре, так и на Соже. Однако явные скопления по-прежнему отсутствовали, и междуречье почти не было заселено. В XI – середине XIII века памятники были распределены по берегам рек на всей изучаемой территории.

Наиболее близки рассматриваемому региону непосредственно прилегающие территории Черниговщины и Могилёвского Поднепровья, что обусловлено схожими природными условиями и политическими судьбами.

Анализируя расположение городов и укрепленных поселений на территории Юго-Восточной Беларуси, необходимо отметить их относительно равномерное размещение (см. рис. 1). Наибольшее количество городищ находится на правом берегу Днепра, на участке от истоков Брагинки до устья Ведричи. Все древнерусские города расположены недалеко от границ плотностно-территориальных образований (графических выразителей их округ) в устьях рек. Такое положение, видимо, было связано с необходимостью выполнять функции административного и хозяйственного (княжеского, а не местного) центра, контролировать транспортные пути, водные и сухопутные для оптимизации сбора и передачи налогов в Киев, Чернигов. При сопоставлении карты памятников территории Юго-Восточной Беларуси с картами памятников Среднего Посожья [23, с. 48, мал. 2], видно размещение севернее рогачёвской плотностно-территориальной зоны города Прупоя и его округи. Причём город находится на южной оконечности принадлежащей ему территории, что, скорее всего, указывает на историческую границу между Черниговским и Смоленским княжествами. С запада рогачёвской зоны наблюдается очень разреженное расположение памятников до свислочской агломерации в бассейне Березины [25, с. 208, мал. 11, с. 212–213, мал. 16, с. 215, мал. 18], что также показывает прохождение здесь границы между княжествами.

Для всего периода характерно развитое пашенное земледелие (абсолютное большинство скопленных памятников VIII – середины XIII века находятся на участках с наиболее пригодными для пашенного земледелия почвами), традиции которого были заложены в предшествующее время. Наличие его считают одной из предпосылок к созданию городов с постоянным населением [38]. Появление сохи у восточных славян в конце первого тысячелетия н. э. [39–40; 41, с. 193–194] и широкое распространение плуга в XI веке, установление паровой системы земледелия [41, с. 159–160] позволило перейти к новым технологиям обработки земли и, как следствие, увеличению количества населения, более плотному постоянному расположению памятников.

Исследуемая территория (за исключением пограничья вдоль русла Днепра) в VIII–XI веках была частью земли радимичей. Несомненна зависимость размещения памятников как от природных факторов, так и от социополитических условий. В 885 и 984 годах киевские князья предпринимали попытки покорения и присоединения племенной территории радимичей. Вторжение в землю радимичей происходило с юга, со стороны Киева. Путей проникновения могло быть всего два: по Днепру или по суше через узкий незаболоченный проход в истоках р. Немьльни [42]. На участок южной границы радимичской земли указывает скопление памятников на р. Немьльне посреди заболоченной местности, в которое входит и городище (см. рис. 1).

По О.А. Макушникову, Гомельская волость граничила на севере с Чечерской волостью, на западе и юго-западе – с Речицкой и Брагинской, на юго-востоке и востоке – с волостями «Сновской тысячи». С юга находились заболоченные земли, с востока граница почти совпадала с водоразделом Сожа и Снова, с запада – Сожа и Днепра. Границу Гомельской волости XII–XIV веков на юге он провёл немного севернее современной границы с Украиной, на западе – вдоль левого берега Днепра до Рогачёвской волости несколько севернее устья Березины, на севере – по р. Липе (правый приток Сожа) с выходом на р. Ипуть (левый приток Сожа), на востоке – до истоков правых притоков Снова [7; 9]. Как считает А.А. Метельский, на юго-востоке граница Гомельских земель проходила у д. Столпёнка и р. Столпня. На север от Гомия находилась Чечерская волость, восточная граница которой маркируется д. Столбун, р. Столбунка и Стовбынь, известными с XVI века. В сторону Днепра от Сожа смоленско-черниговскую границу исследователь проводит севернее чечерских деревень Свержень и Довск, а по левобережью Сожа – между деревнями Струмень и Волыницы [23, с. 85; 43; 44, с. 25–26].

Анализ карты расположения памятников VIII – середины XIII веков и карты плотности позволяет, в общем, согласиться с приведёнными мнениями исследователей. Однако размещение территориально-плотностных образований и отдельных плотностных сгущений даёт основание предполагать прохождение северной границы Гомельских земель по междуречьям Узы и Липы, Ипути и Беседи, южнее границ, обозначенных О.А. Макушниковым. А северной границы Рогачёвских земель – почти перпендикулярно руслу Днепра в устье Тошицы, по истоку Гутлянки и среднему течению Коселянки, севернее границ, обозначенных А.А. Метельским.

Таким образом, на протяжении VIII – середины XIII века н. э. на территории Юго-Восточной Беларуси действовали те же принципы расселения, что и во всей Древнерусской земле. Они сложились в более ранние эпохи и отражали не только хозяйственные приоритеты и потребность в обеспечении безопасности, но всё больше политическую ситуацию в образовавшемся государстве.

Обобщая выводы, полученные для всех периодов (таблица) [14–16], следует заметить, что основные категории памятников VII века до н. э. – I века н. э. – городища, селища и грунтовые могильники, II – V веков н. э. – селища и грунтовые могильники, V – VII веков н. э. – селища, грунтовые могильники, немногочисленные городища и курганные могильники. В VIII – середине XIII века н. э. функционировали все категории памятников. Городища раннего железного века и могильники эпохи Древней Руси, лучше других сохранившиеся и зафиксированные категории памятников, показали освоённость территории Юго-Восточной Беларуси во все периоды. Сравнивая территориально-плотностные образования (графические выразители поселенческих объединений), в которые сгруппировались памятники трёх изучаемых периодов [14–16], в частности наиболее выразительные и крупные зоны и самостоятельные районы, следует заметить, что зоны раннего железного века расположились вдоль русел Днепра и Сожа, захватывая лишь небольшие части лево- и правобережных притоков. Самостоятельные районы – на малых реках в междуречье Днепра и Сожа и в левобережье Сожа. Плотностные скопления образованы памятниками, принадлежавшими родственному населению, и отражают границы общин. Характер размещения поселений сложный. В отличие от раннего железного века, территориально-плотностные образования II – VII веков н. э. равномерно распределены по изучаемому региону. Многочисленные самостоятельные районы небольших размеров в среднем течении притоков Днепра и Сожа свидетельствуют о гнездовом характере расселения. Группы и подгруппы с большой плотностью указывают на расселение общин, а образования с малой плотностью – районы и зоны – на территории хозяйственного освоения, необходимые одному или нескольким объединённым коллективам. Памятники же VIII – середины XIII века н. э. образовали территориально-плотностные зоны с древнерусским городом в каждой (Гомель, Чечерск и Рогачёв), разделившие регион на три примерно равные части, и самостоятельные районы на Днепре, на западной границе, в двух из которых находятся древнерусские города (Лоев и Речица). Территориально-плотностные образования соответствуют округам древнерусских городов. В каждой округе существовал ряд промежуточных центров управления и сбора дани (погостов), расположение которых маркируется повышенной плотностью, размещением на самых плодородных землях. Города находятся или тяготеют к окраинам территориально-плотностных образований, расположены в «узлах», на пересечении водных и сухопутных путей для контроля как подчинённой территории, так и участков дорог, связывающих их со столичными градами.

Для всех периодов территориально-плотностные образования, находящиеся по краям изучаемого региона, «открыты» к западу или востоку, т. е. имеют там продолжение либо основную часть своих территорий. Средняя плотность расположения памятников VII века до н. э. – I века н. э. и II – VII веков н. э. меньше, чем VIII – сер. XIII века н. э., однако наивысшая по региону плотность близка и составляет 1 памятник на 4,54–4,35 км² для VII века до н. э. – I века н. э., 1 памятник на 5–4,35 км² для II – VII веков н. э. и 1 памятник на 3,85 км² для VIII – сер. XIII века н. э. Средняя плотность расположения памятников в регионе, без учёта незаселённых территорий, от раннего железного века к эпохе средневековья выросла почти наполовину. Некоторое её снижение во II – VII веках н. э. обусловлено как уменьшением количества памятников, так и распространением их на большую площадь региона по сравнению с предыдущим периодом. В VIII – сер. XIII века н. э. освоенными оказались все земли территории Юго-Восточной Беларуси. Реки не маркировали границы расселения племён, а являлись связующими артериями. Нигде не отмечены территориально-плотностные образования, границу которых формировала бы река. Препятствиями были заболоченные области, широкие поймы, леса.

Анализ территориально-плотностных образований показал, что в VII веке до н. э. – I веке н. э. соблюдался единый сложный принцип размещения памятников. Смена принципа расселения произошла с переходом от зарубинецкой к позднзарубинецкой культуре. Во II–VII веках н. э. развивался новый, гнездовой принцип расселения. Выявлена преемственность в размещении памятников II–VII и VIII – сер. XIII века н. э. От VII века до н. э. к XIII веку н. э. наблюдается тенденция перегруппировки памятников с берегов больших рек на притоки, распределения их по всей территории. Шёл процесс внутренней колонизации региона, перехода населения с магистральных рек (путей сообщения – Днепра и Сожа) на малые, формирование широкой поселенческой структуры.

Процент селищ на террасах и в поймах для периодов VII век до н. э. – I век н. э. и VIII – сер. XIII века н. э. примерно одинаков. Во II – VII веках н. э. заметно увеличилось число поселений на террасах и снизилось в поймах. Это было связано с фазой потепления и увеличения объёма осадков, максимум которой приходился на II – IV века н. э. Процент селищ, расположенных на останцах в пойме, при постоянных колебаниях, демонстрирует тенденцию к падению, что обусловлено освоением территории вглубь, вдаль от берегов больших рек с выраженной поймой. Селища раннего железного века по высотным характеристикам в основном располагались в двух вариантах: на краях высоких террас, рядом с городищами, и на низких берегах и возвышениях в пойме. Топография поселений II – сер. XIII века н. э. более разнообразна. Средняя высота селищ над уровнем поймы упала от раннего железного века ко II – V векам н. э. на 1,3 м и затем выросла к VIII – сер. XIII века н. э. на 0,3 м. Приуроченность поселений к берегам рек на средней высоте связана с развитием многоукладного хозяйства, требовавшего наличия ландшафтов нескольких типов в ближайшем радиусе освоения территории вокруг поселения. Таким образом, большинство селищ VII века до н. э. – сер. XIII века н. э. относится к типу мысовых, что продиктовано их размещением на террасах больших рек, изрезанных оврагами, руслами ручьёв. Второй тип по количеству – береговые. Увеличение доли береговых поселений во II – V века н. э. обусловлено переходом населения с магистральных рек на притоки, имеющие неярко выраженные террасные уступы. Процент селищ на возвышенностях в пойме уменьшался от раннего железного века ко II – VII векам н. э. и вновь возрос в Древнерусскую эпоху. Постоянное присутствие поселений в пойме свидетельствует о необходимости для небольшой части населения занятий промыслами либо сезонным скотоводством. Во все периоды некоторое количество открытых поселений располагалось на склонах террас, склонах берегов рек в пойме, склонах останцов.

Наблюдается равномерное уменьшение селищ милоградской и зарубинецкой культур от классов «малые» к «средним» и «большим». Количество селищ класса «огромные» примерно равно количеству класса «большие». Для поселений II – VII веков н. э. отмечается огромный разрыв между количеством памятников классов «малые» и «средние», в то время как уменьшение к классу «большие» происходит вполне закономерно. Процент огромных селищ в этом временном промежутке довольно велик. Размеры селищ и могильников VIII – сер. XIII века н. э. хорошо коррелируются в классах «малые» и «средние», при переходе к классу «средние» процент обоих падает в 15 раз. Наибольший дисбаланс виден в пропорции классов «большие» и «огромные», что обусловлено субъективными причинами. Процент селищ класса «огромные» в Древнерусскую эпоху меньше, чем в предыдущие. Средние размеры памятников наибольшие в VIII – сер. XIII века н. э., но по шкале эти памятники принадлежат к классу «малые», как и средние вычисленные размеры памятников остальных рассматриваемых периодов. Исключение составляют только средняя площадь селищ II века до н. э. – I века н. э. и площадок городищ раннего железного века. Они отнесены к классу «средние».

Различие в расположении памятников на днепровских и сожских территориях заметно во все рассматриваемые хронологические периоды. Территориально-плотностные образования размещены регулярно на Днестре и почти соприкасаются, выходят на притоки на Соже. Для раннего железного века выявлены две тенденции в расположении городищ и организации обороны – днепровская и сожская (к ней принадлежат и памятники на притоках). Наибольшее количество древнерусских городищ находится вдоль правого берега Днестра. Подчинённость почвенным и ландшафтным особенностям в размещении территориально-плотностных образований в бассейне Сожа указывает на естественный характер формирования сети поселений вне зависимости от внешних факторов. Расположение памятников вдоль русла Днестра, регулярное во все времена, указывает на прохождение здесь как магистрального пути, так и границы между племенами в раннее время и между княжествами в древнерусское.

Почвенная приуроченность памятников указывает на доминирование определённого вида хозяйственной деятельности. При анализе почвенной карты и сопоставлении её с картами памятников выявлено, что для VII века до н. э. – I века н. э. зависимости расположения поселений от определённого типа почв нет, но очевидна их топографическая приуроченность к краям высоких речных террас с выходом на пойму. Из этого наблюдения следует, что господствовали подсечное и пойменное земледелие, лесной перелог, пойменное скотоводство и скотоводство на заброшенных пашнях. Памятники II – VII веков н. э. находятся на больших и малых реках по краям первых террас и на высокой пойме исключительно на землях, используемых для пашенного земледелия. Размеры селищ зависели от качества и размеров участков пригодных почв. Сохранялась некоторая доля подсечного и переложного земледелия, в основном как вспомогательных и для расчистки новых площадей. В VIII – сер. XIII века н. э. развивалось многоукладное хозяйство. Селища размещались равномерно на больших массивах плодородных почв и скудно на небольших участках. На землях с наибольшим бонитетом локализовано большое количество памятников небольших размеров, что демонстрирует оптимальное расселение. Переходы к новым ведущим способам хозяйствования (от подсечи к пашне в I – II вв. н. э. и к трёхполью в XI в.) происходили в тёплые и влажные климатические периоды. Прекращение жизни на городищах и начало господства открытых поселений было обусловлено необходимостью хозяйственного освоения новых ландшафтов и становлением пашенного земледелия. Размер гнёзд поселений зависел от размеров ресурсной зоны. Единство в топографии, ландшафтной и почвенной приуроченности, площадях селищ II – VII веков н. э. свидетельствует о единстве в хозяйственном укладе и необходимых устойчивых размерах участков территориально-

хозяйственного освоения, которых было достаточно для обеспечения необходимым продуктом постоянных коллективов (соответствуют гнёздам поселений). Некоторая обособленность таких гнёзд объясняет разнообразие компонентов, определяющих культурные влияния на каждую группу памятников в рамках единой общности.

Рост числа селищ происходил с VIII по XI век н. э., стабилизировался в XII веке и снизился к XIII веку. Наибольший прирост наблюдался в X веке, а наибольшее количество селищ зафиксировано для XII века. Процесс бурного роста числа селищ следует связывать с началом процесса феодализации территории (для Верхнего Поднепровья это X в.), который завершился к XII веку. Руководствуясь аксиомой, согласно которой напрямую связаны рост населения – рост плотности заселения – разветвлённость властных структур, скачкообразное увеличение количества памятников от VIII – IX веков к X веку вытекает из экономических и политических причин. В это время земли радимичей активно включали в состав Древнерусского государства, устанавливали единые налоговую и судебную системы. Максимум заселённости отражает прочное проникновение феодальных отношений в гущу общинного населения.

Для построения более полной картины расселения имеют значение данные о возможном прохождении трасс речных и сухопутных путей. Это уже было сделано для некоторых регионов Древней Руси [42; 45–48]. Для территории Юго-Восточной Беларуси описание путей имеется в «Дорожной карте Российской империи всем почтовым и просёлочным проезжим дорогам ... 1809 г.» [49, с. 313–316], с замечаниями Е.Р. Романова [50, с. 123; 51, с. 86–91]. Поскольку ещё в конце XVIII–XIX веков залесённость и заболоченность региона оставалась значительной, дорог было немного, они в основном сохраняли трассы предшествующего времени. При анализе и попытках реконструкции древних путей сообщения необходимо помнить о главных принципах прокладки дорог для пешеходов и конников – рациональности и использования кратчайшей из возможных траекторий их прохождения.

В XVIII–XIX веках по исследуемой территории проходили: 2 главные дороги (Петербургско-Киевская и Могилёвско-Житомирская); 1 губернская (Чернигов – Минск); 7 шляхов (Рогачёв – Толочин, Рогачёв – Поболово, Рогачёв – Новое Место, Жлобин – Белица, Белица – Лоев Городок, Белица – Новое Место и Новое Место – Добрянка); «Правобережный путь» Могилёв – Быхов – Рогачёв – Лоев (по правому берегу Днепра) – Украина (по левому берегу Днепра); «Левобережный путь» (Могилёв – Пропойск – Чечерск – Гомель). Указано, что перечисленные пути включали в себя древние «шляхи» и «битые дороги», а также то, что шлях из Нового Места в Добрянку был проложен старообрядцами и, видимо, функционировал недолго («теперь забыт») [49, с. 315]. Как предполагал Е.Р. Романов, так называемый «Левобережный путь» очень древний, и ещё в XII веке им пользовались черниговские князья [51, с. 86–91]. Указано, что сухопутное сообщение Рогачёва и Могилёва с Бобруйском (дорога на запад) проходило исключительно через станцию Жлобин (после Горвали, перед Поболовом). Упомянут и водный путь – по р. Сож из Днепра в Волжскую систему. Он назван путём «на Радимичи» [49, с. 310].

При нанесении на карту городищ, кладов и единичных ценных находок VIII – сер. XIII века перечисленных сухопутных дорог с указанием упомянутых в документе остановочных пунктов, видны 4 основные трассы, связывавшие изучаемый регион с близлежащими и дальними землями (рис. 2). Практически все укрепленные поселения и клады находятся на предполагаемых трассах или вблизи них. Две дороги дублировали водные пути вдоль Днепра и Сожа, две другие шли почти перпендикулярно первым по междуречьям, и одна вела на юг, пересекая левые притоки Сожа. Большинство городищ со слоем VIII – сер. XIII века находятся на краю террасы правого берега Днепра. Сухопутная дорога проходила вдоль Сожа, лишь на участке от устья Липы до устья Ипути, судя по остановочным пунктам в деревнях Особино и Костюковке, путь отстоял к западу от русла на значительное расстояние. Это его укорачивало. Южнее устья Ипути он переходил на левый берег Сожа, значительно выпрямляясь, и недалеко от устья Терюхи вновь возвращался на правый, чтобы пересечь Днепр у Лоева. Дороги соединяли Рогачёв, Чечерск и Гомель с западными и восточными землями через днепро-сожское междуречье.

Несомненно, в Древнерусскую эпоху существовал сухопутный путь на Стародуб через Новое Место. Одна трасса шла по междуречью от Рогачёва до Чечерска, затем к Бабичам (переправа через Покоть), Немкам (переправа через Беседь), Колбовке (переправа через Столбунку), к Верещакам и поворачивала на юго-восток, на Унуковичи, потом – к Новому Месту [50, с. 123; 52, с. 63]. Вторая проходила от Гомеля на северо-восток, вдоль правого берега Ипути, также к Новому Месту. Затем дорога по междуречью в истоках Снова достигала Стародуба. Вдоль Друти проходил путь из Рогачёва на северо-запад. Из Рогачёва была дорога на юго-запад, к Добысне и, далее, к Березине. Путь из Жлобина, который связывал берега Днепра с Бобруйском, мог продолжаться на север вдоль русла Березины или поворачивать на запад вдоль Свислочи. Дороги, которые в XVIII – XIX веках проходили через Жлобин, видимо, ранее пересекали Днепр южнее, в районе Стрешина, где в Древнерусскую эпоху находилось большое городище с посадками (город Стрежев?), или подходили к нему в устье Добысны. Возможно, ещё одна трасса могла выходить в междуречье от устья Березины, от Горвали. К Гомелю дорога шла, скорее всего, через современные деревни Козий Рог, Недойку в истоке Узы, Тереничи и Ивановку в месте её поворота, далее вдоль русла по левому берегу и, минуя широкий заболоченный участок поймы в устье, выходила к Гомелю. Вторым вариантом этого же пути мог пере-

секать днепро-сожское междуречье севернее, выходя в правобережье Сожа у д. Особино, где находился остановочный пункт дороги с северных земель на Киев. От Гомеля она шла на юг, к Чернигову и Киеву. Исследователи В.П. Коваленко и О.А. Макушников охарактеризовали её как «путь в радимичи» [45; 42].

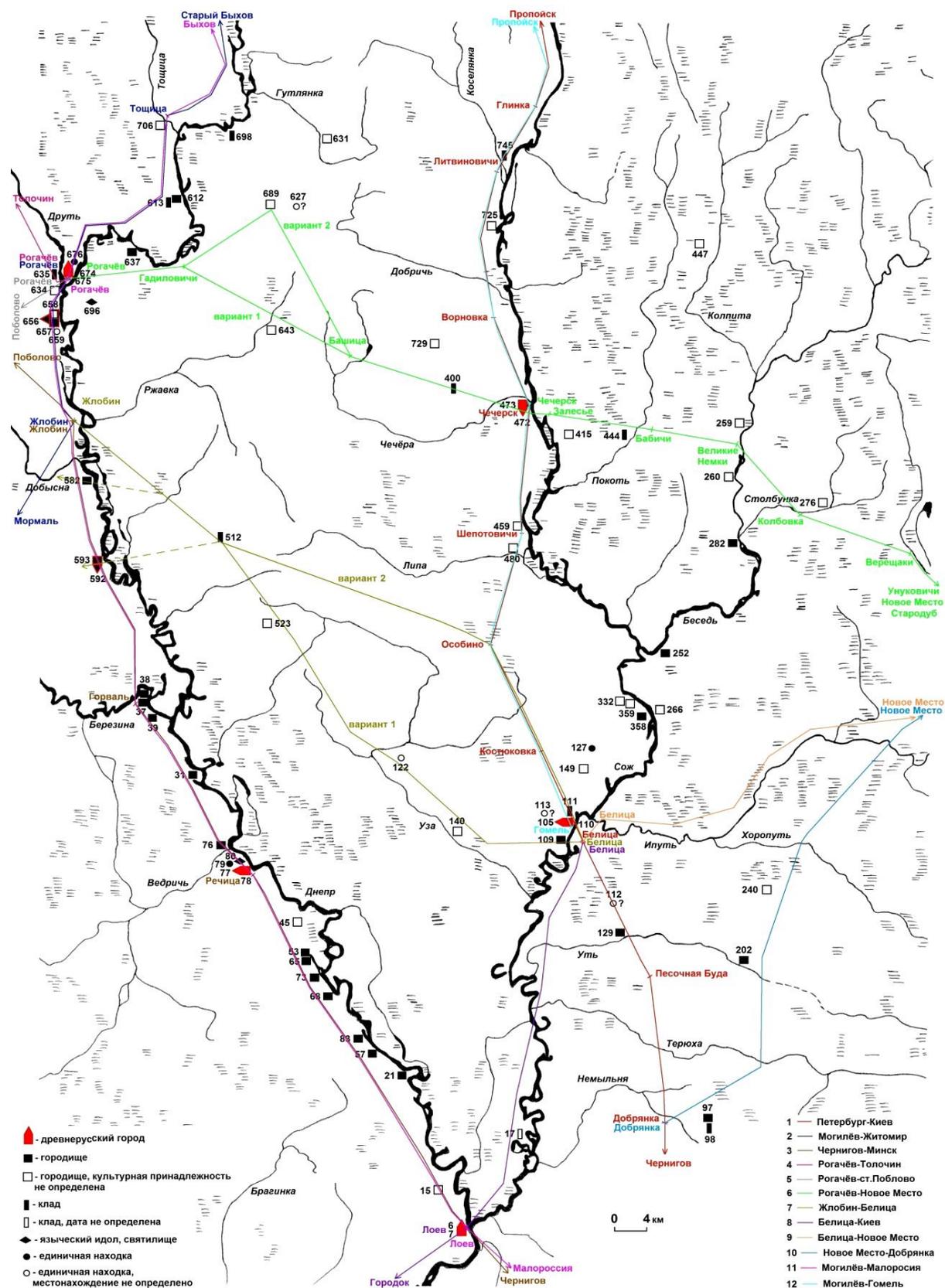

Рис. 2. Карта городищ, кладов VIII–XIII веков н. э., основных дорог начала XIX века н. э.

С большой долей вероятности можно переносить трассы трёх из описанных дорог и на II – VII века. Несомненно, даже в раннем железном веке функционировали пути по правым берегам Днепра и Сожа, дублировавшие водные магистрали. Существование дороги на юг, в Подесенье, по узкому проходу через болота в верхнем течении Немьльни пока даёт феноменальное скопление памятников на клочке плодородных земель, отделённых от остальной территории, которое фиксируется со II – V веков н. э.

Как видно, сухопутные дороги проходили не только вдоль русел рек, но и по междуречьям. Однако общий принцип расположения дорог по возможности параллельно руслам как больших, так и малых рек соблюдался. Кроме проезжих, безусловно, были дороги и тропы местного значения, которые судя по густоте расположения памятников покрывали сеть весь регион.

В ряде случаев население концентрировалось в местах, где почвенная картина неблагоприятная и какой-либо густоты заселения не предполагает. Объяснением является политический фактор, при котором городские центры и крупные транспортные узлы имели большую плотность населения, собранного с округи, для их обслуживания.

Заключение. Для всего периода VII века до н. э. – сер. XIII века н. э. выявлены природная и хозяйственная доминанты в формировании поселенческой структуры на протяжении раннего железного века и раннего средневековья, которые к XI веку н. э. уступают лидерство политической составляющей, изменившей структуру расселения, переориентировав её на городские центры с округами (земли и уделы княжеств).

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимиров, В.В. Расселение и окружающая среда / В.В. Владимиров – М.: Стройиздат, 1982. – 228 с.
2. Дробушевский, А.И. Нижнее Посожье на рубеже нашей эры: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.И. Дробушевский; ИИ НАН Беларуси. – Минск, 1998. – 20 с.
3. Дробушевский, А.И. Поселения Нижнего Посожья и смежных Приднепровских районов в эпоху раннего железа / А.И. Дробушевский // Навуковыя запіскі Веткаўскага музея народнай творчасці (археалогія, гісторыя, культура кнігі, этнаграфія, фальклор, музейзнаўства). Да 25-годдзя заснавання Веткаўскага музея народнай творчасці. – Гомель, 2004. – С. 5–27.
4. Дробушевский, А.И. Городища эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины (типологическое соотношение) / А.И. Дробушевский // Роосійско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – С. 52–56.
5. Дробушевский, А.И. К типологическому соотношению городищ эпохи раннего железа Восточной Беларуси и Брянщины / А.И. Дробушевский // Русский сборник: тр. каф. отечественной истории древности и средневековья Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского. Вып. 12; под ред. Е.А. Шинакова [и др.]. – Брянск: РИО БГУ, 2009. – Вып. 5. – С. 45–55.
6. Макушнікаў, А. Пра паходжанне сельскай тэрытарыяльнай структуры Гомельскай вобласці / А. Макушнікаў // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў: тэз. дакл. міжнар. канф., Мінск, 27–30 кастр. 1993 г. / Ін-т гісторыі АН Беларусі, Беларус. асацыяцыя ахвяраў палітычных рэпрэсій. – Мінск, 1993. – С. 76–79.
7. Макушнікаў, А.А. Рубяжы Гомійскай воласці ў XII–XIV стст. (спроба рэканструкцыі) / А.А. Макушнікаў // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск: ТАА «Сантанас», 1993. – Ч. 2. – С. 42–59.
8. Макушников, О.А. К вопросу о поселенческой структуре второй половины I тыс. н. э. в Нижнем Посожье / О.А. Макушников // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Да 80-годдзя з дня нараджэння А.Р. Мітрафанава / ІГ АН Беларусі: тэз. дакл. канф., прысв. 80-годдзю з дня нараджэння А.Р. Мітрафанава, Мінск, 10–12 снежня 1992 г. – Мінск, 1992. – С. 73–76.
9. Макушников, О.А. Летописный Гомий и его округа / О.А. Макушников // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: матеріали церковно-історичної конференції, Чернігів, 1–3 жовтня 1996 р. / под ред. В.П. Коваленко [та інш.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 1996. – С. 89–91.
10. Макушников, О.А. Особенности системы расселения IX – середины XIII века на юге радимичского Посожья / О.А. Макушников // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г.В. Штыхава; навук. рэд. В. Шадыра. – Мінск: Ін-т гісторыі НАН Беларусі, 1997. – С. 46–49.
11. Макушников, О.А. О системе расселения IX – середины XIII века в южных районах земли радимичей / О.А. Макушников // Деснинские древности-II: материалы межгосударств. науч. конф. «История и археология Подесенья», посв. памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Фёдора Михайловича Заверняева (29.II.1919–18.VI.1994). – Брянск, 2002. – С. 105–109.

12. Макушников, О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII века. Социально-экономическое и этнокультурное развитие / О.А. Макушников. – Гомель: УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2009. – 217 с.
13. Тимофеенко, А.Г. Могильники X–XIII вв. юго-восточной Беларуси (региональный аспект) / А.Г. Тимофеенко // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы: материалы междунар. науч.-практ. конф. / БГУ им. акад. И.Г. Петровского; под ред. С.И. Михальченко, В.Н. Гурьянова. – Брянск: ООО «Ладомир», 2008. – С. 246–250.
14. Тимофеенко, А.Г. Анализ расположения могильников X–XIII вв. на территории Гомельского Поднепровья / А.Г. Тимофеенко // Материалы по археологии Беларуси / Ин-т гісторыі НАН Беларусі; навук. рэд. А.М. Мядзведзеў. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – № 19. – С. 110–121.
15. Тимофеенко, А.Г. Система расселения в раннем железном веке на территории юго-восточной Беларуси / А.Г. Тимофеенко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. В.М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – № 20. – С. 40–65.
16. Тимофеенко, А.Г. Система расселения на территории юго-восточной Беларуси во II–VII вв. / А.Г. Тимофеенко // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. В.М. Ляўко (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – № 20. – С. 173–194.
17. Юшко, А.А. Московская земля IX–XIV веков / А.А. Юшко; отв. ред. Т.Н. Никольская. – М.: Наука, 1991. – 200 с.
18. Арманд, А.Д. Саморегуляция и саморегулирование географических систем / А.Д. Арманд, Ин-т геогр. АН СССР; отв. ред. В.О. Таргульян. – М.: Наука, 1988. – 261 с.
19. Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археологической комиссией Академии наук СССР. – Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Вып. 1: Повесьт временных лет. – Изд. второе. – 379 с.
20. Веремейчик, О.М. Топографія і плоца селищ IX – першої половини XIII ст. межиріччя нижньої течії Десни і Дніпра / О.М. Веремейчик // Археологічні старожитності Подесення: матеріали історико-археологічного семінару, присв. 70-річчю від дня народження Г.О. Кузнецова (22–23 вересня 1995 р., м. Чернігів – Славутич) / під ред. О.П. Моці [та інш.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 1995. – С. 25–30.
21. Иов, О.В. Сельские поселения IX–XIII вв. западной части Белорусского Полесья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.В. Иов; АН Беларусі. – Минск, 1991. – 22 с.
22. Веремейчик, О.М. Сільські поселення IX – першої половини XIII ст. в межиріччі нижньої течії Десни і Дніпра: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / О.М. Веремейчик; АН України. – Київ, 1994. – 17 с.
23. Мяцельскі, А.А. Мсціслаўскае княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 664 с.
24. Никольская, Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская; под ред. В.В. Седова. – М.: Наука, 1981. – 296 с.
25. Кошман, В.І. Паселішчы міжрэччя Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. / В.І. Кошман. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 282 с.
26. Клімаў, М.В. Вясковыя паселішчы ў акрузе Полацка X – сярэдзіна XVI ст.: аўтарэф. дыс. канд. гіст. навук: 07.00.06 / М.В. Клімаў; НАН Беларусі. – Мінск, 2005. – 21 с.
27. Манігда, О. Формування поселенських структур на території середньої течії Горині в межах Погоринської волості / О. Манігда // Наукові записки з української історії: зб. наук. ст.; под ред. В.П. Коцура [та інш.]. – Переяслав-Хмельницький, 2008. – Вип. 20. – С. 404–410.
28. Тропин, Н.А. Южные территории Рязанской земли в XII–XV вв.: формирование и развитие региона. / Н.А. Тропин // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга / Ин-ут археологии РАН; отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. – М.: Наука, 2005. – С. 244–252.
29. Седов, В.В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР / АН СССР; отв. ред. А.Л. Монгайт. – М.: АН СССР, 1960. – Вып. 92. – 159 с.
30. Томашевський, А.П. Населення Східної Волині V–XIII ст. н. е. (система заселення, екологія, господарство): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / А.П. Томашевський; АН України. – Київ, 1993. – 19 с.
31. Томашевський, А.П. Палеоприродные особенности южнорусских систем заселения X–XIII вв. // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слов'янської археології (Новгород, Росія, 1996 р.) / під ред. П.П. Толочко [та інш.]. – Київ, 1996. – С. 109–111.
32. Багамольнікаў, У. Вынікі вывучэння курганоў радзімічаў / У. Багамольнікаў // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў: тэз. дакл. міжнар. канф., Мінск, 27–30 кастр. 1993 г. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі, Беларус. асацыяцыя ахвяраў палітычных рэпрэсій. – Мінск, 1993. – С. 148–151.
33. Богомольников, В.В. Причины изменений погребального обряда радимичей / В.В. Богомольников // Древности Белоруссии и Литвы; под ред. Л.Д. Поболя, А.З. Тауавичюса. – Минск: Наука и техника, 1982. – С. 98–103.

34. Богомольников, В.В. Курганы радимичей / В.В. Богомольников // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1994. – № 4. – С. 23–35.
35. Богомольников, В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.). / В.В. Богомольников; под науч. ред. О.А. Макушнікова. – Гомель, 2004. – 227 с.
36. Соловьёва, Г.Ф. Итоги изучения радимичских курганов в 1962–1965 гг. / Г.Ф. Соловьёва // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. 1966 г. / АН БССР, Отделение общественных наук, Ин-т истории; под ред. В.Ф. Исаенко [и др.]. – Минск, 1966. – С. 253–254.
37. Шекун, О.В. Поселенська структура пониззя межиріччя Десны і Дніпра XII–XVII ст. / О.В. Шекун // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба: матеріали церковно-історичної конф., Чернігів, 1–3 жовтня 1996 р. / під ред. В.П. Коваленко [та інш.]. – Чернігів: Сіверянська думка, 1996. – С. 114–115.
38. Успенская, А.В. Поселения Древней Руси / А.В. Успенская, М.В. Фехнер // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.: тр. ГИМ. – М.: Гос. изд-во культпросвет литературы, 1956. – Вып. 32. – С. 7–18.
39. Краснов, Ю.А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А. Краснов // Советская археология. – 1967. – № 1. – С. 3–21.
40. Краснов, Ю.А. О возникновении пашенного земледелия в лесной полосе Восточной Европы / Ю.А. Краснов // Советская археология. – М.: Наука, 1968. – № 2. – С. 3–22.
41. Краснов, Ю.А. Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы / Ю.А. Краснов; отв. ред. А.В. Чернецов. – М.: Наука, 1987. – 236 с.
42. Макушнікаў, А.А. Бітва 984 г. на рацэ Пяшчане і летапісны шлях “у радзімічы” / А.А. Макушнікаў // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1995. – № 6. – С. 202–213.
43. Мяцельскі, А.А. Смаленска-чарнігаўскае памежжа XII стагоддзя ў міжрэччы Дзясны і Дняпра / А.А. Мяцельскі // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі АН Беларусі. – Мінск, 1994. – № 4. – С. 140–160.
44. Мяцельскі, А. Фарміраванне і тэрытарыяльнае развіццё Мсціслаўскага княства сярэдзіны XII – пачатку XVI ст. / А. Мяцельскі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. А.М. Мядзведзева. – Мінск, 2001. – № 3. – С. 22–43.
45. Коваленко, В.П. Звеничев и путь “В радимичи” / В.П. Коваленко // Первая Гомельская областная науч. конф. по историческому краеведению, посв. 70-летию БССР и КПБ, Гомель, 27 февр. – 1 марта 1989 г.: тез. докл. – Гомель, 1989. – С. 82–83.
46. Кренке, Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII веках / Н.А. Кренке // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени; отв. ред. Н.А. Макаров. – М.: Наука, 2003. – С. 151–167.
47. Мяцельскі, А. Шляхі зносін на тэрыторыі Мсціслаўскага княства і ваяводства ў XII–XVIII стст. / А. Мяцельскі // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т гісторыі НАН Беларусі; пад рэд. В. Вяргей [і інш.]. – Мінск, 2005. – № 20. – С. 175–183.
48. Рикман, Э.А. Города Тверского княжества и сухопутные дороги / Э.А. Рикман // История культуры Древней Руси / под ред. А.Л. Монгайта. – М.: Наука, 1966. – С. 228–232.
49. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / под ред. В.П. Семёнова и общим руководством П.П. Семёнова и акад. В.И. Ламанского. – СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – С. 18–321.
50. Невядомая спадчына Еўдакіма Раманава: матэрыялы да археалагічнай карты Магілёўскай губерні: археаграфічны зб. / аўтар-склад. І.А. Марзалюк / М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, МДУ імя А. Куляшова. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2001. – 59 с.
51. Раманаў, Е.Р. З гісторыка-археалагічнай спадчыны: выбр. творы / Е.Р. Раманаў; пад навук. рэд. І.А. Марзалюка. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2006. – 239 с.
52. Темушев, В.Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном районе / В.Н. Темушев. – М.: Квадрига, 2009. – 192 с.

Поступила 23.04.2013

**EVOLUTION OF SETTLEMENT PROCESSES AT THE TERRITORY
OF SOUTH-EAST BELARUS DURING VII AGE B. C. – MIDDLE XIII AGE A. D.:
NATURAL, SOCIAL AND POLITIC CONDITIONS**

H. TSIMAFEYENKA

This article is devoted to the settlement processes at the territory of South-East Belarus during VII age B. C. – middle XIII age A. D. The information about 2078 settlements and burials showed that process of their emergence and developing was subordinated to the natural and economical dominants for unfortified settlements and policy for towns. During about 20 ages full change of settlement system had place only during II age A. D. and the cause was changing in working the soil.